

Андрей Александрович Титов

**Переписные книги Ростова-
Великого**

второй половины XVII века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А65

А65 **Андрей Александрович Титов**
Переписные книги Ростова-Великого: второй половины XVII века / Андрей
Александрович Титов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-458-08175-7

ISBN 978-5-458-08175-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Едва ли нужно говорить о томъ, какое значеніе имѣютъ для историка такъ называемыя „Переписныя книги“ въ дѣлѣ изученія древне-русскаго быта; важность ихъ въ этомъ отношеніи, вообще для русскоѣ исторіи и въ особенности для мѣстной — слишкомъ очевидна для того, чтобы требовать себѣ доказательствъ. Но историческое значеніе печатаемаго нами письменнаго памятника увеличивается еще болѣе въ виду того, что полной Писцовой книги г. Ростова, сколько намъ извѣстно, не сохранилось, да и такихъ документовъ, какъ „Переписныя книги“, осталось очень немного, такъ что мы безъ труда можемъ указать ихъ.

Въ нашемъ рукописномъ собраніи, кромѣ печатаемой здѣсь, находятся еще двѣ подлинныя книги 1619 и 1692 г. *); въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи есть также нѣсколько списковъ Переписныхъ книгъ 1646, 1678, 1709 г. и Переписная книга 2-й ревизіи 1749 года **).

Настоящій документъ относится ко второй половинѣ XVII вѣка. Къ такому заключенію мы пришли на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, заключающихся въ самомъ документѣ ***), а также по сличеніи его съ другими Пере-

*) Напечатаны нами подъ заглавіемъ „Дозорныя и Переписныя книги древняго города Ростова“. Москва. 1880 г.

**) Эти книги напечатаны Н. А. Найденовымъ подъ названіемъ: „Ростовъ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій“. Москва. 1884 г.

***) Такъ, упоминаемые на стран. 10, 11 и 33 подьячій Ростовской съѣзжей избы *Любимъ Никифоровъ*, и на стран. 70 дьякъ *Павелъ Симоновъ*, за приписью котораго данъ въ земскую избу издаваемый нами списокъ съ писцовой книги г. Ростова, встрѣчаются въ напечатанныхъ Археографическою Коммисіею Актахъ Историч. т. V и Дополненіяхъ къ нимъ въ томахъ VII, VIII и IX подъ 1676—1681 гг.

писными книгами и, между прочимъ, съ тѣми, которыя были изданы Н. А. Найденовымъ. Какъ историческій матеріалъ, этотъ документъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что представляетъ много данныхъ для топографіи города Ростова въ XVII вѣкѣ, а также и потому, что даетъ возможность составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о тогдашнемъ экономическомъ положеніи жителей этого города.

Извѣстно, что наши предки вели свою городскую статистику не наобумъ, не „изъ прекраснаго далека“, а воочію, лицомъ къ лицу съ описываемыми предметами и ихъ владѣльцами. Отсюда первое достоинство такого рода рукописей—это ихъ несомнѣнная фактическая достовѣрность. Затѣмъ, подобные историческіе матеріалы, не смотря на всю сжатость и сухость ихъ содержанія, представляютъ собою немаловажный источникъ для ознакомленія съ другими сторонами жизни нашихъ предковъ. Мы узнаемъ: какъ они жили, бѣдно или богато, чѣмъ промышляли и торговали; какія повинности (денежныя и натуральныя) лежали на Ростовскихъ жителяхъ; изъ какого люда (мѣстнаго и пришлага) состояло населеніе Ростова и примыкавшихъ къ нему слободъ.

Опытный топографъ, достаточно изучившій печатаемую рукопись, вѣроятно, могъ бы воспроизвести тогдашній планъ Ростова съ достаточною ясностью и во всякомъ случаѣ безъ особенно большихъ ошибокъ противъ дѣйствительнаго расположенія слободъ, вошедшихъ въ составъ города Ростова.

Что же представлялъ собою этотъ городъ, судя по нашимъ документамъ? Вотъ вопросъ, на который намъ и слѣдуетъ отвѣтить, сообразуясь съ историческими данными.

Въ половинѣ XVII вѣка Ростовъ уже значительно оправился послѣ „Литовскаго разоренія“. Слѣды его, какъ мы увидимъ далѣе, хотя и были еще свѣжи въ памяти старожиловъ, но среднее и молодое поколѣніе теперъ свободно было отъ тѣхъ ужасовъ, которыми обык-

новенно сопровождалась набѣги „поганой Литвы“ и могло, такимъ образомъ, безъ тревоги продолжать свои мирныя занятія. Но, успокоившись послѣ погромовъ „смутнаго времени“ и упорядочивая свою внутреннюю жизнь, Ростовско-Ярославская область по прежнему тяготѣла — какъ къ своему центру—къ Москвѣ, поддерживая ее и физически, т. е. доставляя извѣстный контингентъ ратныхъ людей, и—путемъ торговли.

Для ростовца Москва была средоточіемъ военной русской силы, и Ростовъ безпрекословно поставлялъ ей ратниковъ—стрѣльцовъ. Москва вела торговлю съ Азіей и Европой, и Ростовъ, на ряду съ Ярославлемъ, благодаря своему относительно центральному положенію, служилъ посредникомъ въ этой торговлѣ, сближая отдаленные торговые пути между Архангельскомъ и Астраханью. Изъ нашихъ документовъ (см. стр. 67 и слѣд.) видно, что ростовецъ былъ прежде всего „человѣкъ торговый“. Чтобы судить вполне основательно о разнообразіи его торговыхъ дѣлъ, слѣдуетъ обратиться къ нашимъ источникамъ, которые гласятъ: „Въ Ростовѣ же на площади лавки и скамьи; торгуютъ всякими разными товары“. Далѣе значатся подробности (любопытныя, по крайней мѣрѣ, для ростовцевъ), гдѣ и чѣмъ торговали наши добрые предки. На площади „отъ церковнаго мѣста Екатерины мученицы“ *) (см. стр. 67 и слѣд.) были расположены ряды: москательный, красильный, садовый, рыбный, солодяной, мясной. Торговлей занимались здѣсь посадскіе люди. Существовали невдалекѣ и пустыя лавочныя мѣста, занятая подворьемъ Борисоглѣбскаго монастыря близъ рѣчки Пижермы **). Обыватели показали о суще-

*) Церковь эта была упразднена и записей о ней не сохранилось.

***) Рѣчка Пижерма показана еще на планѣ города XVIII вѣка, который былъ напечатанъ нами рѣдѣе. Она протекала близъ церкви Николая на Подозерьи; во время же планировки города по высочайше утвержденному плану была засыпана, вслѣдствіе чего стоки изъ канавъ или „пиги“, находяціяся въ городскихъ валахъ, прекратились, и въ городѣ сдѣлалась грязь, а изъ „пиги“ стали распространяться зловредныя міазмы.

ствованіи нѣкогда лавокъ и далѣе по той же рѣчкѣ Пи-
жермѣ, но забыли, кому тѣ мѣста принадлежали („того
посадскіе люди не упоминают“).

Между гостиннымъ дворомъ и лавками, по направле-
нію къ мосту, также образовался пустырь. Сзади мяснаго
ряда была площадь, на которой торговали исключительно
„житомъ“ (хлѣбомъ). Площадь эта имѣла въ длину 75 са-
женъ, а поперекъ 12 сажень. Она обратилась въ конскую
площадку, гдѣ выстроена была правительствомъ или го-
родомъ (вѣрнѣе — послѣднимъ) конская изба въ видахъ
фискальныхъ, т. е. для сбора пошлинъ съ лошадей. По-
ловину означенной площадки и заняло, неизвѣстно на
основаніи какихъ царскихъ грамотъ, упомянутое выше
подворье Борисоглѣбскаго монастыря. Далѣе за мяснымъ
рядомъ и старою площадью находился дворъ кабацкій
„на бѣлой землѣ“ (что слѣдуетъ разумѣть подъ „бѣлыми
землями“, постараемся выяснитъ это въ своемъ мѣстѣ).

Гостинный дворъ, огражденный заборомъ, занималъ
весьма скромное пространство, имѣя въ длину только
23 саж., а въ ширину („поперекъ“) 16 саж. Близъ го-
стинаго двора находилась большая проѣзжая мостовая
улица, гдѣ стояла съѣзжая изба; въ ней присутствовали
воеводы („сидятъ за государственными дѣлами“). Тамъ же,
около этого храма правосудія, толпились люди, обви-
ненные или обвиняемые въ нарушеніи законовъ или по
тогдашнему общему названію—„воры“; они помѣщались
въ двухъ тюрьмахъ, изъ коихъ одна называлась соб-
ственно „татиной“ (тать—воръ), а другая—„опальной“.
По близости къ нимъ была расположена „изба губная“,
гдѣ сидѣли, судили и рядили губные старосты.

Передъ рядами по Московской дорогѣ расположена
была довольно обширная площадь „житная“; на ней
торговали рожью и всякимъ житомъ, какъ сами ростов-
цы, такъ и уѣздный и пріѣзжій иногородный людъ. Озна-
ченная торговля, впрочемъ, не ограничивалась только
однимъ хлѣбомъ: сюда пріѣзжали „всякіе люди со вся-

кими товары“. Они облагались пошлинами, которыя собирались въ „таможенной избѣ“, бывшей на откупѣ за ростовскими посадскими людьми. Позади ея стояла „изба писчая“. Необходимость таковой объясняется легко: тогдашній ростовецъ былъ безграмотенъ,—а между тѣмъ онъ, какъ человѣкъ по преимуществу занятый торговлей, нуждался въ совершеіи того или другаго условія, той или другой письменной сдѣлки. Тогда „посадскіе площадные дьячки“, занимавшіе вышеупомянутую избу, предлагали свои услуги каждому, кто не владѣлъ перомъ, для написанія юридическихъ актовъ или для семейныхъ и частныхъ сношеній съ другими градами и весями Московскаго государства.

Затѣмъ въ нашемъ документѣ имѣются указанія на то, что близъ „писчей избы“ находилась „изба земская“— прародительница нынѣшнихъ мировыхъ учрежденій. Въ ней засѣдали земскіе старосты и цѣловальники, т. е. цѣловавшіе крестъ и евангеліе—судить по правдѣ, по совѣсти и по законамъ Московскаго государства. Она же облагала тогда пошлинами продажу сула и кваса. Поэтому ростовцы имѣли съ означенною цѣлью еще двѣ избы—„сусленую и квасную“ на откупѣ за посадскими людьми. Пошлины платились въ Москвѣ вмѣстѣ съ таможенными деньгами. Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: долго ли продолжался сборъ съ сула и квасу, этихъ любимыхъ и безвредныхъ напитковъ? Содержаніе нашей рукописи не даетъ на это вполне яснаго отвѣта (стр. 68). Упоминается въ ней объ означенныхъ избахъ, какъ о существующихъ и облагаемыхъ таможеннымъ сборомъ,— далѣе же сказано: „А нынѣ на тѣхъ мѣстахъ стоитъ государева *богадѣльная изба*“. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, но этотъ фактъ слѣдуетъ внести въ исторію города Ростова. Собирая подати, правительство учреждало, стало быть, и филантропическія заведенія на счетъ казны государевой. Что же касается частныхъ или общественныхъ богадѣленъ, то о нихъ ничего не сказано

въ нашей рукописи. Отсюда заключаемъ, что таковыхъ, кромѣ государевой богадѣльни, вовсе не существовало въ Ростовѣ. Первая частная богадѣльня была выстроена митрополитомъ Іоасафомъ Лазаревичемъ (1691—1701), что видно изъ рукописныхъ лѣтописцевъ о Ростовскихъ архіереяхъ, подлинникъ которыхъ составленъ св. Дмитриемъ, митрополитомъ Ростовскимъ *).

Любопытны свѣдѣнія о количествѣ „оброка“, который собирался съ лавокъ, амбаровъ, лавочныхъ мѣстъ и скамей (всего 44 рубля 23 алтына и 2 деньги). Не менѣе важны также данныя о составѣ городского и пригороднаго населенія. Подробности можно найти на стр. 69 и слѣд., а потому, не желяя повторять ихъ, мы ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ заключающагося здѣсь статистическаго матеріала въ его основныхъ чертахъ.

Оказывается, что на посадѣ было 24 двора, которые принадлежали разнымъ монастырямъ, боярамъ, дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ; 20 дворовъ составляли собственность духовенства; не мало было келій пономарскихъ и нищихъ, поселившихся на церковныхъ земляхъ. Къ городу примыкали двѣ слободки: Рыбная (иначе Рыболовская) и Сокольничья. Первая изъ нихъ облагалась оброкомъ, который и поступалъ въ приказъ большаго двorca деньгами, или же исполнялся натуральною повинностью — „рыбою“ тчаною (соленою) и свѣжею. Въ то время озеро Неро „гораздо изобиловало“ рыбою; во всякомъ случаѣ она водилась въ немъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперъ, о чемъ можно судить по другимъ архивнымъ документамъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи, а также по изданнымъ нами „Дозорнымъ и Переписнымъ книгамъ“ (стр. 5). Впрочемъ и тогда ростовцы

*) «А въ бытность свою построилъ... ковиошешный дворъ каменный, на проѣзжей улицѣ богадѣльни каменная же» (въ нашей библиот. рукоп. № 2770, л. 20). Одна изъ этихъ богадѣлей существуетъ и посейчасъ въ томъ же почти видѣ подъ названіемъ Дмитриевской.

жаловались на свое озеро, въ которомъ-де ловится не крупная рыба, а „рыбешка“. Облагались эти бѣдные рыбаки не дорогимъ тягломъ („въ тяглѣ съ полушки“, см. 58 стр. и слѣд.). Нѣкоторые изъ жителей упомянутой слободки не состояли въ тяглѣ, ибо принадлежали къ числу лицъ другихъ состояній.

Сокольничья слободка, по составу ея населенія, мало соотвѣтствовала своему названію, ибо въ ней жили торговцы свѣжею рыбой, сапожники, огородники и иной бѣдный людъ. Впрочемъ тамъ находилось нѣсколько чело-вѣкъ „соколыхъ помытчиковъ“, которые, надо полагать, служили бременемъ для своихъ сосѣдей — слобожанъ: „овладѣвъ насильно чужими дворами и огородами, они съ посадскими людьми ни тяголь не тянули, ни службъ не служили“ (стр. 60). Во дворецъ государевъ Ростовская Сокольничья слободка доставляла повинность, не птицею — соколомъ, а деньгами (какъ это видно изъ тѣхъ же Дозорныхъ книгъ), при чемъ, къ обидѣ посадскихъ людей, за Сокольничью слободку долженъ былъ платить весь посадъ (стр. 59), потому что „сокольники засѣли“ не на „бѣ-лыхъ мѣстахъ“.

Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о „бѣлыхъ мѣстахъ“, очень часто упоминаемыхъ въ нашемъ историческомъ матеріалѣ.

Конечно, выраженіе „бѣлыя мѣста“ нельзя понимать въ собственномъ смыслѣ; также точно нельзя допустить, чтобы то было названіе какой-либо слободской территоріи, вошедшей въ составъ города. Обыкновенно такими мѣстами назывались участки запустѣлые, лишившіеся своихъ владѣльцевъ, каковыхъ появилось очень много, въ особенности послѣ разоренія нашего Ростова Литвою. Съ цѣлью обращенія такихъ пустырей въ мѣста населенныя, государство и отдавало ихъ „охочимъ лю-дямъ“ на первыхъ порахъ, конечно, безданно — безпо-шлинно, со льготами, словомъ „обѣляло“ таковыя вымо-рочныя имѣнія.

Замѣчательно, что при исчисленіи „бѣлыхъ дворовъ“ безпрестанно упоминается о каменщикахъ. Спрашивается: куда же дѣвались всѣ эти злополучные Ивашки Быковы, Четвертки Семеновы, Первушки Куличкины и прочіе каменщики, о которыхъ сказано коротко, да не ясно: „ихъ не стало“?

Изъ документа видно, что дворовою собственностью ихъ завладѣли другія лица, преимущественно тоже каменщики (стр. 60—63). Но при этомъ является новый исторически бытовой вопросъ: не сосредоточивались ли въ Ростовѣ нѣкоторыя отрасли торговли и промышленности на излюбленныхъ или опредѣленныхъ (администраціей) мѣстностяхъ? вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и еще одно предположеніе, что „бѣлыми мѣстами“ могли владѣть не только отдѣльные хозяева, но и нѣсколько хозяевъ вмѣстѣ. Сказано такъ: „Ивашка не стало; владѣютъ (его дворомъ) *каменщики*“ (стр. 60—63). Это выраженіе, намъ кажется, нужно понимать такъ, что государственная власть утвердила права на выморочное мѣсто за „союзомъ“, за „артелью“ каменщиковъ; артель же составляла издревле крѣпкую силу нашего народа-труженика; поэтому она могла съ пользою и для себя, и для города войти въ составъ городского населенія на правахъ одинаковыхъ съ правами посадскихъ людей.

Теперь обратимся къ разрѣшенію задачи, легко объясняемой нашимъ историческимъ документомъ, именно: кто же и какимъ образомъ вошелъ въ составъ населенія города Ростова, вольно или невольно?

Послѣ внимательнаго изученія нашихъ матеріаловъ оказывается, что тѣхъ и другихъ лицъ, составлявшихъ народонаселеніе Ростова, было очень много. Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ коихъ бытовая сторона жизни ростовскаго люда обнаруживается съ надлежащею ясностью.

Такъ для насъ является несомнѣннымъ тотъ фактъ, что многіе посадскіе люди уходили изъ города и посту-

пали на службу къ митрополиту. Выраженія: „спелъ за митрополита“, „жилъ за митрополитомъ“, „взять изъ-за митрополита“ и т. п.—приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что посадская жизнь для многихъ была далеко не красна, и что состоять подъ охраною власти митрополита было гораздо выгоднѣе, нежели подчиняться власти воеводы. Митрополитъ награждалъ нѣкоторыхъ изъ „спешшихъ“ къ нему разными льготами и давалъ этимъ людямъ выгодныя должности въ своей канцеляріи: „А былъ (Иванъ Фроловъ, сынъ Смолкинъ) у митрополита въ подьячихъ лѣтъ 12 и данъ на жилецкую поруку, что жить въ посадѣ“. О другомъ посадскомъ Сережкѣ Зерновѣ находимъ извѣстіе, что „отецъ его былъ въ соборѣ въ попахъ“ (стр. 73). Такихъ „отшельцевъ“ принимали обратно въ посадъ „по указу великаго государя по сыску“ и давали имъ свободные двory, облагая ихъ оброкомъ, такъ что они стали попрежнему „съ посадскими людьми тягло тянуть“. Оброкъ былъ разный: съ кого—гривна, съ кого—2 алтына, 10 денегъ, 6 алтынъ и т. д.

Слѣдуетъ замѣтить, что многіе „сходили съ посаду и за монастыри“. Такъ, на примѣръ, Савинко Коржавинъ поступилъ за Богоявленскій монастырь; Вторушка Яковлевъ—за Андреевскій, откуда „спелъ къ Москвѣ и записался въ плотники“; Любимко Пастуховъ за Спасскій монастырь и т. д. (стр. 75 и др.).

Показанія нѣкоторыхъ лицъ о переходѣ ихъ изъ посада „за монастыри или за митрополита“ и обратно въ посадъ отличаются любопытными историческими подробностями. Для примѣра возьмемъ показанія Игнашки Сущева. Онъ объяснилъ свою родословную такъ: дѣдъ его и отецъ—не посадскіе люди, а были-де они „помытчики въ государевой Сокольничьей слободкѣ; а блаженной памяти государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ *отдалъ эту слободку въ посадъ*“. Отецъ его, Игнашки Сущева, „съ посадскими людьми тягло давалъ съ денги“, но потомъ „сошелъ за митрополита“ и женился на

крестьянкѣ (стр. 72). Оська Филатовъ сынъ Мошенниковъ „въ распросѣ“ сказалъ, что отецъ его былъ посадскій человекъ и жилъ у Варницѣ. Послѣ смерти отца Оська (Осипъ) „сшелъ за Андреевскій монастырь“. Тутъ явился вопросъ: записанъ ли родъ Мошенниковыхъ въ посадской писцовой книгѣ? Оказалось, что не записанъ. Но земскій староста сказалъ, что Мошенниковы—„изстари де старинные посадскіе и въ писцовой де выписи и въ книгахъ Тимофея Барыкова да Суботы Онанскаго 112 года (1604 г.) отцы ихъ и они написаны въ посадѣ, — и тѣ де книги въ Литовское разоренье сгорѣли“ (стр. 75). Нѣкто Малахъ портной былъ написанъ на посадѣ въ Все-святской десятнѣ, а послѣ того сошелъ съ посаду и „жилъ въ бѣгахъ за Ростовскимъ митрополитомъ“ (стр. 72).

Сколько такихъ бѣглецовъ жило за митрополитомъ, наши документы, къ сожалѣнію, не даютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Итакъ, необходимость заставляетъ насъ довольствоваться пока этими, хотя и скудными, остатками письменной Ростовской старины. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, слѣдующія подробности о „стрѣльцахъ“.

По царскимъ указамъ многіе Ростовскіе посадскіе люди записаны были нѣкогда въ „стрѣльцы“; затѣмъ они сами или родственники ихъ вновь взяты въ посадѣ „по сыску и на жилецкую поруку“. Подъ словомъ „сыскъ“ слѣдуетъ разумѣть одобрителный приговоръ посадскаго люда, желавшаго включить въ свой составъ новыхъ согражданъ—посадскихъ. Но надо замѣтить, что стрѣльцы были народъ не особенно благонадежный въ глазахъ посадскихъ — ростовцевъ. Они принимали ихъ не иначе, какъ подъ строгимъ условіемъ: „жить въ Ростовѣ на посадѣ за государемъ и тягло съ міромъ платитъ въ рядъ“. Далѣе мы видимъ, что „міру“ и это обязательство со стороны стрѣльцовъ казалось недостаточнымъ: Ростовскій посадскій „міръ“ потребовалъ отъ